

Синий ОСОБНЯК

Наследники Арбата.
Книга вторая

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская

Синий особняк. Наследники
Арбата. Книга вторая

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Синий особняк. Наследники Арбата. Книга вторая /
Н. Чародейская — «Автор», 2026

Вера Воронцова — архитектор-реставратор, принципиальная и бескомпромиссная. Матвей Громов — девелопер, наследник семьи, разрушившей её жизнь. Двадцать шесть лет их династии враждуют. Но когда на аукционе решается судьба уникальной усадьбы Боткиных, Матвей делает неожиданный шаг: отзывает заявку и предлагает Вере партнёрство. Вынужденный союз бывших врагов запускает цепь событий, которых никто не ждал. В подвалах особняка обнаруживаются тайные комнаты, древние фрески и дневники, проливающие свет на прошлое обеих семей. А где-то в тени затаился тот, кто не готов простить примирение. Пока Вера борется за спасение синего особняка, она невольно начинает расследование, которое перевернёт всё. Включая её собственное сердце.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Усадьба Боткиных	8
Глава 2. Круги на воде	13
Глава 3. Пепел и чернила	22
Глава 4. Брат	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Синий особняк. Наследники Арбата. Книга вторая

Пролог

Москва, Пречистенка, особняк Воронцовых
Март, год спустя после свадьбы Глеба и Алисы

Вера Воронцова ненавидела три вещи: ложь, опоздания и Матвея Громова.

Первые две она научилась терпеть — работа архитектора-реставратора в Москве предполагала и то и другое. Подрядчики вралі о сроках. Чиновники опаздывали на согласования. Исторические здания разрушались быстрее, чем она успевала их спасти. Это была знакомая, привычная боль — как старый шрам, который ноет в плохую погоду.

Но Матвей Громов был болью другого рода. Острой. Свежей. Незаживающей.

Она стояла у окна в библиотеке особняка, где теперь жили Глеб и Алиса со своей крошечной Верой — её племянницей и тёзкой, — и смотрела на экран телефона. Сообщение от секретаря: «Аукцион по усадьбе Боткиных перенесён. Второй участник — Гром-Девелопмент. Представитель — Матвей Громов».

— Чёрт, — произнесла она вслух.

— Что случилось? — Алиса, сидевшая в кресле с малышкой на руках, подняла голову.

— Они выкупают Боткиных.

— Кто?

— Громовы. Точнее — Громов. Единственный оставшийся. Матвей.

Алиса помолчала. За год она научилась понимать интонации семьи Воронцовых — а это была та самая интонация, которая предвещала беду.

— Ты пойдёшь на аукцион?

— Я пойду и выиграю его, — Вера повернулась к невестке, и в её глазах горел тот самый огонь, который Алиса уже видела у Глеба. Фамильная черта. Воронцовская. — Эта усадьба — последний нетронутый образец русского деревянного ампира в Москве. Её построил ученик Бове. Ученик Бове! Если Громовы купят её, они снесут всё и построят очередную стеклянную коробку. Я не позволю.

— Глеб говорил, что после суда Громовы потеряли влияние.

— Потеряли, но не всё. Матвей получил условный срок, холдинг отошёл младшему брату, но у них остались деньги, связи и, судя по всему, желание отомстить.

Алиса покачала головой. Она знала эту историю — и из рассказов Глеба, и из собственного расследования годичной давности. Знала о предательстве, об аварии, о следователе Кравцове, который двадцать шесть лет хранил рапорт. Знала, что Матвей Громов пытался разрушить их с Глебом брак. Но было в этой истории что-то, о чём Вера никогда не говорила.

— Ты знаешь его с детства? — спросила Алиса осторожно.

Вера отвернулась к окну.

— Знала. Мы выросли вместе. До того, как всё случилось.

— И каким он был?

— Другим, — голос Веры стал тише. — Он рисовал мне открытки на день рождения. Таскал шоколадки, когда умер отец. Мы сидели на крыше этого дома и считали звёзды. А потом... его отец предал моего деда. И всё закончилось.

— Но ты помнишь.

— Я помню всё, Алиса. Это и есть проблема.

Она взяла со столика чашку с остывшим кофе и сделала глоток.

— Знаешь, что самое страшное? Когда я увидела его в суде год назад — на скамье подсудимых, с этим дурацким условным сроком, — я не чувствовала торжества. Я чувствовала... пустоту. Как будто мы оба проиграли.

— Может быть, вы оба можете выиграть, — тихо сказала Алиса.

— Это вряд ли. Мы — Воронцовы и Громы. Мы не выигрываем вместе. Мы только разрушаем друг друга.

— Или строите, — Алиса кивнула на окно, за которым виднелась заснеженная оранжерея. — Год назад Глеб и я были чужими людьми. А теперь посмотри на нас.

— Ты — другое дело. Ты не из нашей войны.

— Я стала частью вашей войны. И выжила. И победила. Может быть, Матвей Громов — не безнадёжен.

Вера ничего не ответила. Но где-то глубоко внутри, под бронёй, которую она строила двадцать шесть лет, шевельнулось что-то похожее на надежду.

Она подавила это чувство. Надела пальто. Взяла портфель с документами.

— Я в Архитектурный совет. Если Глеб спросит — буду к вечеру.

— А если спросит Громов?

— Громову я скажу только одно: «Синий особняк будет моим».

Глава 1. Усадьба Боткиных

Два дня спустя

Архитектурный совет Москвы, Никитский переулок

Зал заседаний Архитектурного совета напоминал Вере театр. И не тот, где играют Шекспира, а тот, где идёт бесконечная постановка «Ревизора» — всё те же лица, всё те же интриги, всё те же взятки, только теперь завуалированные под «инвестиционные соглашения» и «спонсорскую помощь».

Сегодня на сцене была она.

— Усадьба Боткиных, — Вера щёлкнула пультом, и на экране появился фасад старинного деревянного дома. Нежно-голубой, с белыми наличниками, с мезонином и резным балконом. — Построена в 1823 году Дмитрием Жилярди, учеником Осипа Бове. Единственный сохранившийся в Москве образец деревянного ампира с оригинальной резьбой. В 1905 году здесь размещался госпиталь для раненых. В 1920-м — коммуналка. Сейчас — аварийное здание, которое город выставил на аукцион.

Она обвела взглядом зал. Чиновники, девелоперы, пара журналистов. И он. Матвей Громов. Сидит в третьем ряду, в дорогом сером костюме, с той самой улыбкой, от которой у Веры с детства портилось настроение.

Он стал старше. Жёстче. Черты лица заострились, в висках появилась первая седина — слишком рано для тридцати пяти. Но улыбка осталась прежней. Лёгкой, чуть насмешливой, с ямочками на щеках. Улыбка человека, который знает что-то, чего не знаете вы.

— Проект реставрации, предложенный «Наследием», — продолжила Вера, заставляя себя не смотреть в его сторону, — предполагает полное восстановление исторического облика здания с приспособлением под культурный центр. Никакой перестройки. Никакого сноса. Только научная реставрация.

Она переключила слайд. На экране появился детальный план: выставочный зал на первом этаже, лекторий и библиотека на втором, внутренний двор с садом, воссозданным по архивным чертежам.

— Бюджет — сто двадцать миллионов рублей. Срок реализации — два года. Инвесторы — попечительский совет фонда «Культурное наследие». Проект прошёл государственную историко-культурную экспертизу и получил положительное заключение.

Председатель совета, пожилой мужчина с усталым лицом и тяжёлыми веками, кивнул:

— Спасибо, Вера Викторовна. Слово второму участнику. Матвей Вадимович Громов, пожалуйста.

Матвей поднялся. Он не пользовался пультом — говорил без слайдов, без презентаций, одним своим присутствием заполняя пространство. Вера ненавидела его за это умение.

— Уважаемые члены совета, — начал он, и его голос прозвучал мягко, доверительно, как будто он обращался к старым друзьям. — Я уважаю позицию коллеги Воронцовой. Сохранение наследия — важная задача. Но давайте посмотрим правде в глаза. Здание находится в аварийном состоянии. Деревянные конструкции поражены грибком на шестьдесят процентов. Фундамент просел, требуется полная замена. Реставрация в том виде, в каком её предлагает «Наследие», по независимым оценкам обойдётся вдвое дороже заявленного — порядка двухсот сорока миллионов. А результатом станет музей, который будет посещать от силы сто человек в месяц.

Он сделал паузу, и в зале зашептались.

— «Гром-Девелопмент» предлагает другой путь. Демонтаж аварийных конструкций с сохранением всех элементов декора — наличников, резьбы, балкона, изразцовых печей. Интеграция этих элементов в новый проект: современный жилой комплекс с подземным паркингом, зелёным двором и общественными пространствами на первых этажах. Кафе, магазины, коворкинг. Никаких бюджетных денег — полностью частные инвестиции. И рабочие места для двухсот человек. И налоги в городской бюджет.

Он говорил, и Вера видела, как кивают головами члены совета. Особенно те, кто отвечал за экономику. Цифры действовали на них гипнотически.

— Вы предлагаете уничтожить памятник, — не выдержала она. — Снять наличники и прикрутить их к торговому центру. Это не реставрация. Это таксидермия. Чучело архитектуры.

Председатель постучал карандашом по столу:

— Вера Викторовна, пожалуйста, соблюдайте регламент. У вас ещё будет время для реплики.

— Простите.

Матвей улыбнулся. Той самой улыбкой.

— Я понимаю эмоции коллеги. Архитектура — это искусство, и я ценю её страсть. Но позвольте задать практический вопрос: кто будет содержать этот культурный центр через год? Через пять лет? У города нет денег. У фонда «Культурное наследие» — тоже, простите за прямоту. А мы предлагаем устойчивую бизнес-модель. Это не «таксидермия». Это адаптация.

— Адаптация — это когда здание приспособливают под новые функции, сохраняя его суть. А вы предлагаете уничтожить суть и оставить декорации. Это не адаптация. Это ликвидация.

— Вы так говорите, будто я лично хочу снести все исторические здания Москвы, — он чуть наклонил голову. — Уверяю вас, это не так. Я люблю историю. Но я также люблю людей, которые живут в этом городе сегодня.

— Людей, которые будут покупать квартиры в вашем жилом комплексе по цене, недоступной девяноста процентам москвичей?

— Я вижу, вы хорошо изучили наш бизнес.

— Я изучила вашу семью. Этого достаточно.

В зале повисла тишина — та особенная, напряжённая, когда всем неловко, но никто не решается вмешаться.

Председатель кашлянул.

— Прения окончены. Голосование состоится через неделю. Члены совета получают материалы обоих проектов для ознакомления. Заседание объявляется закрытым.

Вера вышла из зала первой. Щёки горели, каблуки цокали по мраморному полу, и этот звук отдавался в висках. Она ненавидела проигрывать. И ненавидела Матвея Громова за то, что он всегда, всегда умел выставить её истеричкой, а себя — разумным прагматиком.

— Вера!

Она не обернулась. Ускорила шаг.

— Вера, подожди!

Он догнал её в холле. Она резко повернулась:

— Что?

— Ты не дала мне договорить.

— Ты сказал достаточно. Ты хочешь снести усадьбу и построить на её месте жильё для богатых. Что ещё я должна услышать?

— Что я могу отозвать заявку.

Она замерла.

— Что?

— Я могу отозвать заявку. И усадьба достанется тебе автоматически. Без голосования.

— И что ты хочешь взамен?

— Партнёрство.

— С Воронцовой?

— С «Наследием».

Она недоверчиво посмотрела на него. Стоял ли он перед ней — тот самый Матвей Громов, который год назад пытался уничтожить её семью? Или это какая-то новая игра?

— Ты шутишь?

— Я никогда не шучу о бизнесе, — он достал из портфеля папку. — Здесь предварительный договор. Я финансирую реставрацию — все двести сорок миллионов, если потребуется. Ты полностью контролируешь архитектурную часть. Доходы от будущего культурного центра делим пополам. Я получаю долю в управлении. Ты получаешь спасённую усадьбу.

— А Громы получают репутацию меценатов.

— И это тоже, — он не стал отрицать. — После суда наш имидж сильно пострадал. Мне нужно восстановить репутацию компании. А тебе нужны деньги. По-моему, это честный обмен.

Она взяла папку, но не открыла. Смотрела на него и пыталась понять, что за этой улыбкой. Ловушка? Или искренность?

— Почему? — спросила она. — Почему ты хочешь помочь мне?

— Я хочу помочь себе. Я устал воевать, Вера. Мой отец умер, так и не простив твоего деда. Завьялов сидит в тюрьме. Я получил условный срок, и мой собственный брат смотрит на меня как на врага. Я потерял всё, за что боролся. И я думаю: может быть, хватит?

— Ты думаешь, одно партнёрство исправит всё?

— Не исправит. Но это начало. — Он помолчал и добавил тише: — Я устал быть врагом, Вера. Особенно твоим.

Она не нашлась что ответить. В горле стоял ком. Она ненавидела его двадцать шесть лет. Она поклялась себе, что никогда не простит Громовых. И теперь он стоял перед ней и просил о мире.

— Мне нужно подумать.

— Думай. Но недолго. Голосование через неделю. Если я отзову заявку до него — усадьба твоя. Если нет — я выиграю аукцион. И построю жилой комплекс.

— Это шантаж.

— Это бизнес, — он поправил её мягко, но твёрдо. — В бизнесе всегда есть условия.

Она сжала папку в руке.

— Ты обещаешь, что это не ловушка?

— Я обещаю, что попробую быть честным. Это всё, что я могу.

— Этого недостаточно.

— Знаю. Но это начало.

Он развернулся и пошёл к выходу. Вера смотрела ему вслед — высокий, прямой, с той же походкой, что и в детстве, когда он бежал к ней через двор с камнем в руке.

— Синий камень, — прошептала она.

Он не услышал. Но на секунду, всего на секунду, ей показалось, что за броней успешного девелопера мелькнул тот самый мальчик, который когда-то дарил ей небо.

Глава 2. Круги на воде

Тот же вечер
Особняк Воронцовых, кухня

Дом встретил Веру запахом яблочного пирога и тревожным молчанием.

Она вошла через чёрный ход — не хотелось пересекаться ни с кем в холле, отвечать на вопросы, объяснять, почему она вернулась такой взвинченной. Но кухня — тёплая, освещённая мягким светом, с Еленой Павловной у плиты — всегда была её убежищем.

— Вера Викторовна, — домоправительница обернулась, — вы как раз вовремя. Пирог готов.

— Спасибо, Елена Павловна. Я не голодна.

— Это вы так думаете. А я вижу: вы не обедали. Садитесь.

Вера не стала спорить. Села за маленький кухонный стол, который помнила с детства, и через минуту перед ней уже стояла тарелка с пирогом и чашка чая. Елена Павловна знала: чай — это лекарство. От всего.

— Тяжёлый день? — спросила она, присаживаясь напротив.

— Тяжёлый.

— Аукцион?

— И аукцион, и кое-что ещё, — Вера отломил кусочек пирога. — Елена Павловна, можно вопрос?

— Конечно.

— Вы помните Матвея Громова? Когда он был маленьким?

Домоправительница помолчала, и в её глазах промелькнуло что-то похожее на печаль.

— Помню. Хороший был мальчик. Очень привязан к вам.

— Вы думаете, он изменился?

— Все меняются, Верочка. Вы изменились. Ваш брат изменился. Алиса Андреевна перевернула этот дом вверх дном. Изменения — это не всегда плохо.

— Он предлагает партнёрство. Хочет вместе реставрировать усадьбу Боткиных.

Елена Павловна подняла бровь.

— И вы сомневаетесь?

— Я не знаю, чего он хочет на самом деле. Может, это ловушка. Может, он пытается втереться в доверие, чтобы потом нанести удар.

— А может, он просто устал, — тихо сказала домоправительница. — Его отец умер. Его компания перешла к брату. Он проиграл суд. Иногда, чтобы что-то построить, нужно сначала признать, что старая конструкция рухнула.

Вера задумалась.

— Вы говорите прямо как Алиса.

— Алиса — мудрая девочка. Садовники вообще мудрые. Они знают, что после зимы приходит весна.

В коридоре послышались шаги. В кухню заглянул Глеб.

— Ты вернулась. Как аукцион?

— Отложен на неделю. Громов предложил партнёрство. Финансирование в обмен на долю в управлении.

Глеб прислонился к дверному косяку. Его лицо осталось непроницаемым, но Вера видела, как дрогнули желваки на скулах.

— И что ты ответила?

— Что подумаю.

— Думай, — он прошёл и сел за стол. — Но помни: год назад он пытался разрушить мой брак. Он предлагал деньги твоему отцу, — кивок в сторону Алисы, которая как раз вошла в кухню с малышкой на руках. — Его начальник службы безопасности убил нашего отца. Я не говорю «нет». Но я говорю «будь осторожна».

— Я всегда осторожна.

— Нет, — Глеб чуть улыбнулся. — Ты всегда была самой бесстрашной из нас. Это другое.

Алиса передала дочку Глебу и села рядом с Верой.

— Знаешь, что я поняла за этот год? Люди сложнее, чем нам кажется. Твой брат казался мне мраморной колонной. А он оказался... ну, не таким уж мраморным, — она бросила взгляд на мужа. — Матвей Громов совершил ошибки. Много ошибок. Но он пытался их исправить. Может, дать ему шанс?

— Ты защищаешь его?

— Я защищаю тебя. Ты потратила двадцать шесть лет на ненависть. Это выматывает.

Вера отодвинула тарелку.

— Я не ненавижу его. В том-то и проблема. Я пыталась ненавидеть — не получилось. Я помню его другим. И это мешает.

— Может, и не нужно мешать? — тихо сказала Алиса.

Маленькая Вера на руках у Глеба вдруг засмеялась — без причины, как смеются только младенцы. Все посмотрели на неё, и напряжение немного разрядилось.

— Ладно, — Вера встала. — Я подумаю. Но сначала — архив. Мне нужно проверить кое-что.

— В архиве уже полночь, — заметил Глеб.

— Значит, самое время.
Цокольный этаж, архив
Полночь

Зелёная лампа горела над столом, как год назад, когда Алиса только начинала своё расследование. Вера села в то же кресло и открыла ящик с пометкой «Громы. 1990–1998».

Она знала этот ящик наизусть. Письма, открытки, чертежи, фотографии. Две семьи, которые когда-то были одной. Но сегодня она искала другое.

Письма Матвея.

Они лежали в отдельной папке — тонкой, перевязанной голубой лентой. Вера не открывала её с четырнадцати лет. С того самого дня, когда отец не вернулся домой, а мать исчезла.

«Веруне от Матюши. С днём рождения!» — открытка с нарисованным от руки синим домом. Ему было десять.

«Верка, не обижайся, я не хотел тебя толкнуть. Это всё футбол виноват. Давай мириться?» — записка на тетрадном листе. Ему было двенадцать.

«Вера, я знаю, что происходит между нашими отцами. Я не понимаю этого. Я не хочу, чтобы мы стали врагами. Пожалуйста, помни: я всё ещё твой друг. Навсегда». — последнее письмо, октябрь 1998 года. Ему было тринадцать.

«Навсегда» закончилось через неделю. Когда Вадим Громов предал Виктора Воронцова. Когда отец Веры разбился на трассе. Когда её мать исчезла.

Она перечитывала это письмо и чувствовала, как дрожат руки. Тринадцатилетний мальчик, который не хотел войны. Который просил помнить.

Что с ним стало? Как он превратился в того Матвея Громова, который стоял сегодня в Архитектурном совете с улыбкой акулы? И главное — осталось ли в нём что-то от того мальчика?

Она открыла последнюю страницу. Там лежал сложенный вдвое листок — не письмо, а черновик, который она когда-то начала и не отправила.

«Матюша, я не знаю, дойдёт ли это письмо. Наши родители больше не разговаривают. Глеб говорит, что твой отец — предатель. Но я помню, как ты дарил мне синие камни. Я помню, как мы считали звёзды на крыше. Я не хочу быть врагом. Пожалуйста, давай не будем как они».

Она не отправила его. Побоялась. А через месяц отца не стало, и слово «прощение» исчезло из её лексикона.

Теперь, двадцать шесть лет спустя, она сидела в архиве и думала: что было бы, если бы она отправила то письмо? Изменило бы это что-нибудь?

Или всё уже предreshено — и две династии обречены вечно сжигать мосты?

Она достала телефон и набрала номер. Ответили после третьего гудка.

— Вера? — голос Матвея был удивлённым. — Ты знаешь, который час?

— Знаю. Я подумала над твоим предложением.

— И?

— Я согласна. Но с условием.

— Каким?

— Никакой лжи. Никаких игр. Если ты хочешь партнёрства — будь честным. Со мной. С «Наследием». С самим собой.

Пауза.

— Я попробую, — сказал он наконец. — Это всё, что я могу обещать.

— Тогда встретимся завтра. В усадьбе. Ты покажешь мне, что хочешь сохранить. А я покажу тебе, что мы теряем, когда сносим историю.

— Договорились.

Она положила трубку. Зелёная лампа мерцала над столом, и в её свете старые письма казались почти живыми.

«Пожалуйста, давай не будем как они».

Может быть, ещё не поздно.

Офис «Гром-Девелопмент», Москва-Сити
Той же ночью

Матвей положил телефон и долго смотрел на экран.

Она согласилась. Вера Воронцова — та самая, которая подавала против него иск в суде, которая называла его «стервятником» в интервью, которая не подавала руки при встрече, — согласилась работать вместе.

Он не знал, радоваться или бояться. Потому что за этим «да» стояло что-то большее, чем бизнес. Что-то, о чём он не позволял себе думать последние двадцать шесть лет.

Дверь кабинета открылась без стука. На пороге стоял Кирилл.

— Ты ещё здесь? Я думал, ты уже уехал домой, в свой склеп на Татарской.

— Я работал, — Матвей откинулся в кресле. — Что ты хотел?

— Поговорить. — Кирилл сел напротив, и Матвей заметил, что брат сегодня какой-то особенно напряжённый. — Я слышал о твоём предложении Воронцовой.

— Уже? Быстро.

— У меня есть свои источники в совете. Это правда? Ты хочешь отдать усадьбу Боткиных «Наследию»?

— Я хочу партнёрства. Это выгодно.

— Выгодно? — Кирилл усмехнулся. — Ты понимаешь, что акционеры в ярости? Что ты теряешь поддержку совета директоров? Что наш имидж, который ты пытался восстановить, снова трещит по швам?

— Наш имидж трещит, потому что мы уничтожаем исторические здания, Кирилл. Потому что отец построил империю на предательстве. Потому что Завьялов убил человека и сел в тюрьму. Я пытаюсь это исправить.

— С Воронцовой?

— С Верой.

Кирилл замолчал. Потом встал и подошёл к окну.

— Ты помнишь, что отец говорил о Воронцовых?

— Помню. Отец говорил много чего. Он также говорил, что дружба с Виктором была лучшим, что случилось в его жизни. А потом он разрушил эту дружбу.

— Чтобы спасти семью. У него были долги. Ему нужны были деньги.

— И он выбрал деньги. А семью это не спасло, Кирилл. Мать ушла. Ты со мной не разговаривал пять лет после суда. Какая это семья?

Кирилл повернулся. Лицо его было бледным, а глаза — колючими.

— Ты хочешь всё разрушить? Всё, что построил отец?

— Я хочу построить своё. Без предательств.

— Тогда ты дурак, — резко сказал Кирилл. — Воронцова использует тебя и выбросит. Как её дед выбросил нашего отца.

— Её дед не выбрасывал отца. Это отец предал его.

— Ты веришь Воронцовым? После всего, что они нам сделали?

— Я верю Вере.

Кирилл долго смотрел на брата. Потом покачал головой:

— Ты влюблён в неё. С детства.

— Это не имеет отношения к делу.

— Имеет. Всё имеет. Ты рискуешь компанией, репутацией, будущим — из-за женщины, которая тебя ненавидит.

— Она согласилась на партнёрство. Может, не всё потеряно.

— Или ты просто ослеп. — Кирилл взял со стола папку с договором. — Ты отдаёшь контроль над объектом Воронцовой. Ты вкладываешь наши деньги. А что получаешь взамен?

— Долю в культурном центре.

— Который не принесёт прибыли. Ты же сам знаешь. Музеи не окупаются.

— Не всё измеряется прибылью.

— Святые слова для человека, который управляет девелоперским холдингом, — Кирилл бросил папку обратно. — Ладно. Это твой проект. Но если что-то пойдёт не так — отвечать будешь сам.

— Я знаю.

Кирилл направился к двери. У порога остановился.

— Знаешь, что самое смешное? Я тоже помню, каким ты был. До всей этой войны. Ты был хорошим братом, Матвей. А потом стал чужим.

— Ты тоже изменился.

— Да. Меня изменил отец. Как и тебя. Только ты пытаешься вернуться обратно. А я уже не могу.

Он вышел. Матвей остался сидеть в пустом кабинете, на пятьдесят седьмом этаже, над огнями ночной Москвы.

Они оба изменились. Весь вопрос — можно ли измениться обратно?

Усадьба Боткиных, следующее утро

10:00

Утро было морозным и ясным. Снег, выпавший накануне, укрыл Пречистенку белым покрывалом, и старая усадьба стояла в этом безмолвии, как драгоценная шкатулка, которую забыли на полке.

Вера пришла первой. Она отперла ворота своим ключом — новый замок повесили сразу после решения совета — и вошла внутрь. Без рабочих, без инвесторов, без журналистов. Только она и старый дом.

Внутри пахло запустением. Плесенью, сырым деревом, временем. Но под этим запахом, если прислушаться, угадывался другой — сухих трав, воска, старых книг. Запах истории.

Она прошла через анфиладу комнат. Паркет скрипел под ногами, но держался. Лепнина на потолках, хоть и потрескавшаяся, сохранила очертания. Кафельные печи в углах — голландские, с синей росписью — чудом уцелели.

— Ты прекрасен, — прошептала она, обращаясь к дому. — И мы тебя спасём.

— Разговариваешь с домами? — раздался голос от дверей.

Она обернулась. Матвей стоял на пороге — сегодня в тёмно-синем пальто и без привычной улыбки.

— Архитекторы всегда разговаривают с домами, — ответила она. — Это профессиональное.

— А что они тебе отвечают?

— Иногда — спасибо. Чаще — помощи.

Он подошёл ближе.

— Я пришёл, как договаривались. Показывай.

— Что именно?

— Всё. То, что ты видишь здесь такого, чего не вижу я. То, что стоит сохранить. То, что важнее прибыли.

Вера посмотрела на него. Он говорил серьёзно — без иронии, без насмешки. Может быть, впервые за долгое время.

— Тогда пойдём, — сказала она. — Начнём с печей.

— С печей?

— Да. Им двести лет. Они пережили пожар 1812 года, революцию, войну, коммуналку и девяностые. Если это не символ стойкости — я не знаю, что тогда.

Она провела его по залам — показывала изразцы, лепнину, резные наличники. Рассказывала про мастеров, которые это создавали. Про Ивана Боткина, построившего дом для жены. Про госпиталь, который здесь был в 1905-м. Про коммуналку двадцатых.

Матвей слушал. Задавал вопросы. Не спорил.

— Ты правда это любишь, — сказал он, когда они вышли во внутренний двор.

— Люблю. Это не просто работа. Это... призвание, наверное.

— Я никогда не понимал этого. Для меня здания были проектами. Бюджетами. Сроками.

— А теперь?

— Теперь я начинаю понимать. Немного.

Они стояли в заснеженном дворе, над которым нависал старый дуб — ровесник усадьбы. Вера посмотрела на Матвея и вдруг спросила то, что давно хотела:

— Почему ты хранил ту визитку? «Веруне от Матюши». Двадцать пять лет.

Он замер.

— Откуда ты знаешь?

— Ты дал мне её в кофейне. На обороте было написано.

— Я... — он осёкся. — Я не знаю. Наверное, не мог выбросить.

— Почему?

— Потому что это последнее, что у меня осталось от того времени. От той жизни. От того меня.

Вера шагнула ближе.

— Тот мальчик... он всё ещё где-то внутри?

Матвей долго молчал. Потом достал из кармана что-то и протянул ей. На ладони лежал маленький синий камень — почти такой же, как тот, что она носила на цепочке.

— Я тоже храню, — сказал он. — Двадцать шесть лет. Глупо, да?

— Нет, — она покачала головой. — Не глупо.

Они стояли в заснеженном дворе, над ними скрипел старый дуб, а где-то внутри усадьбы ждали своего часа кафельные печи. И впервые за двадцать шесть лет Вера Воронцова и Матвей Громов не были врагами.

Глава 3. Пепел и чернила

Усадьба Боткиных, подвал
Следующее утро, 8:15

Подвал встретил их запахом сырой земли, старого кирпича и времени. Вера спускалась первой, подсвечивая путь фонариком — электричество в эту часть усадьбы ещё не провели. Матвей шёл следом, и его шаги гулко отдавались под сводчатым потолком.

— Когда я была маленькой, — сказала Вера, — дед рассказывал, что в старых усадьбах всегда есть секреты. Подземные ходы, замурованные комнаты, тайники.

— И ты верила?

— Я верила всему, что он говорил. Он был архитектором. Архитекторы не врут о домах.

Они дошли до дальней стены — той самой, которую Вера заметила ещё при первом осмотре. Кладка здесь была другой: более поздней, грубой, явно заложённой второпях.

— Вот здесь, — она провела рукой по кирпичам. — Видишь? Этот участок отличается от остального. Раствор другой, кирпич другой. Кто-то замуровал проём.

— Когда?

— Судя по раствору — начало двадцатого века. Может, в революцию. Может, позже.

Матвей подошёл ближе и осмотрел кладку.

— Если мы её разберём, не рухнет стена?

— Не должна. Я проверяла — это перегородка, а не несущая конструкция.

— Тогда чего мы ждём?

Он снял пальто, закатал рукава и взял молоток, который захватил с собой. Вера наблюдала, как он работает — аккуратно, методично, не как девелопер, а как человек, который умеет обращаться с инструментом.

— Ты раньше строил? — спросила она.

— Отец заставлял. Говорил: «Громов должен уметь всё — от чертежа до кладки». Я ненавидел это в детстве. А теперь благодарен.

Кирпичи поддавались неохотно, но через полчаса в стене образовался проём. За ним была темнота — густая, плотная, нетронутая десятилетиями.

Вера посветила фонариком. Луч выхватил из мрака узкий коридор, уходящий вниз.

— Подземный ход, — прошептала она. — Я знала. Я чувствовала.

— Куда он ведёт?

— Не знаю. Но давай выясним.

Они пошли по коридору, пригибаясь под низкими сводами. Стены были выложены старым кирпичом, на котором кое-где сохранились следы побелки. Под ногами хрустел песок и щебень. Воздух был холодным, но сухим — ход явно вентилировался.

Через двадцать метров коридор расширился. Они оказались в небольшой круглой комнате — кирпичной, с остатками деревянных полок по стенам. В центре стоял старый стол. На нём — жестяная коробка.

— Это тайник, — Вера подошла к столу. — Кто-то хранил здесь вещи.

Она открыла коробку. Внутри лежали документы: пожелтевшие, хрупкие, но удивительно хорошо сохранившиеся.

— Смотри, — она достала верхний лист. — Это письмо. Адресовано «Ивану Боткину, строителю сего дома».

— Тому самому?

— Да. 1823 год.

Она начала читать вслух:

«Любезный Иван Сергеевич! Посылаю Вам чертежи печей, что заказывали. Изразцы повезут из Гжели обозом на следующей неделе. Прошу Вас не медлить с оплатой, ибо зима близко, а печи надобно класть до морозов. С почтением, мастер Семён».

— Это же...

— Да, — она не могла сдержать улыбку. — Это оригинальная переписка строителей. Двести лет. Представляешь?

Матвей взял другой лист — более поздний, с неровными строчками, написанными явно в спешке.

— А это 1905 года. «Здесь был раненый солдат. Госпиталь принимает раненых с фронта. Врачей не хватает. Помогите кто чем может». — Он перевернул лист. — И ещё: «Спасибо дому сему за тепло. Пусть стоит вечно».

— Вечно не получилось, — тихо сказала Вера. — Но мы попробуем.

Она продолжала перебирать документы. Письма, счета, записки. И вдруг замерла.

— Что? — спросил Матвей.

— Посмотри.

Она протянула ему сложенный вчетверо лист — более свежий, чем остальные. Чернила ещё не до конца выцвели. Почерк — резкий, угловатый, мужской.

«Здесь были мы. Вадим Громов и Виктор Воронцов. 15 мая 1998 года. Мы хотим купить этот дом и сделать музей. Это будет наш общий проект. Друзья навсегда».

— Наши отцы, — сказал Матвей. — Они были здесь. Вместе.

— За несколько месяцев до предательства, — добавила Вера. — До аварии. До всего.

Они стояли молча, глядя на пожелтевший листок. Два имени, два друга, одна мечта. И всё это рухнуло в одночасье.

— Знаешь, — медленно произнесла Вера, — я всегда думала, что наши отцы были врагами. Что Громовы всегда ненавидели Воронцовых. А теперь я вижу это — и понимаю: они были друзьями. Настоящими.

— Мой отец никогда не говорил об этом, — сказал Матвей глухо. — После разрыва он запретил упоминать Воронцовых в доме. Убрал все фотографии. Сжёг письма. Как будто хотел стереть прошлое.

— Но оно не стёрлось.

— Нет. Оно здесь. Ждало нас двадцать шесть лет.

Вера бережно сложила записку и убрала обратно в коробку.

— Мы должны сохранить это. Восстановить не только дом, но и память. Сделать музей — такой, как они хотели.

— Тот проект, — Матвей покачал головой. — Я думал, отец просто хотел заработать на этой усадьбе. А он... он хотел построить музей. С Воронцовым.

— И мы построим. За них.

— Ты правда веришь, что у нас получится?

— Я архитектор. Я обязана верить.

Она улыбнулась — впервые за всё время, что они провели вместе в этом подвале. И Матвей вдруг понял, что не видел её улыбки двадцать шесть лет.

— А ты изменилась, — сказал он.

— Ты тоже. Раньше ты не стал бы разбирать кирпичную кладку ради исторической находки.

— Раньше я вообще не стал бы спускаться в подвал.

— Значит, прогресс.

Они выбрались из подземелья уже ближе к полудню. Солнце стояло высоко, и снег искрился так, что было больно смотреть. Вера прижимала к груди жестяную коробку с документами.

— Я передам находки в Архитектурный совет, — сказала она. — Это историческая сенсация. Усадьба Боткиных — не просто дом. Это капсула времени.

— Думаешь, это поможет нам на голосовании?

— Думаю, это изменит всё, — она посмотрела на него. — Ты всё ещё хочешь отозвать заявку?

— Да. Сегодня же подам документы.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не благотворительность. Это партнёрство.

— Партнёрство, — повторила она, пробуя слово на вкус. — Звучит странно.

— Но уже не так плохо, как вчера?

— Уже не так плохо.

Они вышли за ворота. Улица была тихой, только где-то вдалеке шумело Садовое кольцо.

— Знаешь, — сказал Матвей, — я хранил тот камень не просто так.

— Я знаю.

— И ты хранила.

— Да.

Они посмотрели друг на друга. Два бывших врага, два наследника разрушенной дружбы. Между ними всё ещё стояли тени прошлого — но теперь эти тени стали чуть менее густыми.

— Может, пообедаем? — предложил он. — Здесь рядом есть приличное место. Без «акульных улыбок», обещаю.

Вера чуть не рассмеялась:

— Ты помнишь.

— Я помню всё, Вера. Каждое твоё слово.

— Тогда пообедаем. Но платишь ты.

— Разумеется. Я же Громов. Мы всегда платим.

— За всё?

— За ошибки тоже, — он посмотрел на неё серьёзно. — Особенно за ошибки.

И она поняла, что он говорит не о деньгах.

Ресторан «Марьяж», Патриаршие пруды

13:30

Они заняли столик у окна. За окнами патриаршая Москва жила своей жизнью: мамы с колясками, пенсионеры с собачками, студенты, вечно куда-то спешащие. Обычный день обычного города. Только для них двоих он был необычным.

— Расскажи мне, — попросила Вера, когда официант принял заказ и ушёл. — Что случилось с тобой? После всего.

— Это долгая история.

— У нас есть время.

Матвей отпил воды и задумался.

— После того как отец предал твоего деда, всё изменилось. Он стал другим — жёстким, подозрительным, злым. Он запретил нам общаться с Воронцовыми. Сжёг все фотографии. Я пытался написать тебе — он узнал и порвал письмо. Сказал: «Они нам не ровня. Забудь».

— И ты забыл?

— Я попытался. Поступил в архитектурный, но отец сказал: «Брось, архитекторы — нищие мечтатели. Иди в бизнес». Я пошёл в бизнес. Закончил МВА в Лондоне. Вернулся. Работал в компании отца. Делал то, что он говорил. Улыбался, когда хотелось кричать. Заключал сделки, которые разрушали историю. А потом — суд. Завьялов. Тюрьма. Брат, который смотрит на меня как на предателя.

— А что с матерью?

— Ушла, когда мне было пятнадцать. Не выдержала отца. Живёт где-то в Европе, присылает открытки на Рождество. Мы не общаемся.

— Мне жаль.

— Не стоит. Я сам выбрал этот путь. Вернее, не выбрал — позволил выбрать за меня.

Вера молчала. Она смотрела на него — на этого уставшего мужчину с сединой в висках, который когда-то был мальчиком с синими камнями, — и чувствовала, как что-то внутри неё переворачивается.

— Моя история похожа, — сказала она наконец. — После смерти отца и исчезновения матери дед растил нас один. Глеб стал его наследником, а я... я просто хотела строить. Дед говорил: «Вера, ты девочка, тебе будет трудно в архитектуре». Но я всё равно пошла. Доказывала всем, что могу. Что я не слабее мужчин. Что я Воронцова.

— И доказала.

— Да. Но какой ценой? Я так боялась проиграть, что разучилась выигрывать. Я так боялась предательства, что перестала доверять людям. Я так боялась стать уязвимой, что превратилась в броню.

— Как и я.

— Как и ты.

Они замолчали. Официант принёс заказ — суп, салат, горячее, — но оба едва притронулись к еде.

— Знаешь, — сказал Матвей, — когда я предложил тебе партнёрство, я думал, что это просто бизнес. Что я просто хочу восстановить репутацию. Заработать денег. Показать брату, что я ещё на что-то гожусь.

— А теперь?

— А теперь я понимаю, что это не про бизнес. Это про искупление. Я пытаюсь исправить то, что сломал мой отец. И я не знаю, получится ли.

— Получится, — сказала Вера. — Должно получиться.

— Почему ты так уверена?

— Потому что мы нашли ту записку. «Друзья навсегда». Это знак. Наши отцы хотели построить музей вместе. Мы построим его за них. Может быть, это единственный способ закончить войну.

— Войну, которую мы не начинали.

— Но которую мы можем закончить.

Матвей поднял бокал с водой.

— За окончание войны.

Вера подняла свой.

— За начало мира.

Бокалы звякнули. И этот тихий звон прозвучал громче любых слов.
Архитектурный совет Москвы
День голосования

Прошла неделя. Зал снова был полон — но атмосфера на этот раз была другой. Напряжённой, но не враждебной. Журналисты перешёптывались: ходили слухи, что Громов отзывает заявку.

— Прежде чем мы начнём голосование, — объявил председатель, — слово предоставляется Матвею Вадимовичу Громову.

Матвей встал. Сегодня на нём был тёмно-серый костюм и галстук с тонкой синей полоской. Никакой улыбки акулы — только сосредоточенное, спокойное лицо.

— Уважаемые члены совета, коллеги. Я принял решение отозвать заявку «Гром-Девелопмента» на аукцион по усадьбе Боткиных.

По залу прокатился шёпот.

— Причина проста, — продолжил он. — За последнюю неделю я увидел в этом проекте то, чего не замечал раньше. Историю. Душу. Память. Я увидел письма и записки людей, которые жили, работали и мечтали в этих стенах. Я увидел труд архитекторов, построивших этот дом двести лет назад. И я понял: есть вещи, которые нельзя измерить деньгами.

Он сделал паузу.

— «Гром-Девелопмент» не будет строить на месте усадьбы жилой комплекс. Вместо этого мы предлагаем «Наследию» партнёрство. Мы готовы финансировать реставрацию и создание культурного центра. Все архитектурные решения остаются за Верой Викторовной Воронцовой. Все доходы от будущего центра будут делиться поровну. Это не поглощение. Это сотрудничество.

В зале стало тихо. Председатель откашлялся:

— Это неожиданное заявление, Матвей Вадимович. Вы осознаёте, что теряете прибыль?

— Я осознаю, что приобретаю нечто большее. Репутацию. Будущее. И, возможно, искупление.

Он сел. Вера смотрела на него и не могла поверить. Он сделал это. Действительно сделал.

— В таком случае, — председатель обвёл зал взглядом, — у нас остаётся единственный участник. Проект «Наследия» принимается. Поздравляю, Вера Викторовна.

Аплодисменты. Журналисты защёлкали камерами. Вера встала, чтобы сказать речь — но вместо этого просто подошла к Матвею.

— Ты сделал это, — сказала она тихо.

— Я держу слово. Иногда.

— Спасибо.

— Не за что. Теперь самое трудное — реставрация.

— Мы справимся.

— «Мы»? — он поднял бровь.

— Мы. Вместе. Как наши отцы хотели.

И в этот момент, в зале Архитектурного совета, под вспышками камер и шёпот журналистов, Вера Воронцова и Матвей Громов заключили мир. Не на бумаге. По-настоящему.

Глава 4. Брат

Офис «Гром-Девелопмент», Москва-Сити
Утро после голосования

Кирилл Громов стоял у панорамного окна и смотрел на Москву. Пятьдесят седьмой этаж, лучший вид в городе — но сейчас он не замечал ни золотых куполов, ни змеящегося внизу Садового кольца. Перед ним на столе лежала утренняя газета. Заголовок на первой полосе: «Мир после войны: Громов и Воронцова объявили о партнёрстве».

Статья была подробной. Журналист, явно симпатизировавший «Наследию», расписывал, как «потомки двух враждующих династий объединились ради спасения исторического наследия». О Кирилле — ни слова. Только в конце, мелким шрифтом: «Матвей Громов действовал без согласования с советом директоров, что может привести к разногласиям внутри холдинга».

«Может привести». Как будто они уже не начались.

Дверь открылась. Вошёл Матвей — уставший, но довольный, с тем самым выражением лица, которое Кирилл не видел у брата уже много лет. Выражением человека, который сделал что-то правильное.

— Ты читал? — спросил Матвей, кивая на газету.

— Читал. — Кирилл повернулся. — Ты понимаешь, что наделал?

— Я заключил партнёрство, которое спасёт усадьбу и принесёт нам репутационные дивиденды.

— Ты отдал проект Воронцовой. Без согласования. Без обсуждения с советом директоров. Без моего ведома.

— Я пытался обсудить. Ты не захотел слушать.

— Потому что это безумие! — Кирилл хлопнул ладонью по столу. — Ты отдал контроль над объектом конкурентам. Ты вложил наши деньги в проект, который не окупится. Ты выставил компанию посмешищем! «Громовы сдались Воронцовым» — так это теперь называется.

— Это называется «прекращение войны».

— Войны, которую начали не мы!

— А кто? — Матвей шагнул к брату. — Кто предал Виктора Воронцова в девяносто восьмом? Кто украл проект «Дом на набережной»? Кто нанял Завьялова, который убил Сергея Воронцова? Кто пытался разлучить Глеба с женой и поджёг дом в Твери?

— Это был Завьялов, а не я!

— Завьялов работал на нас. На отца. А теперь — на тебя.

Кирилл замолчал. Тишина в кабинете стала такой плотной, что, казалось, её можно резать ножом.

— Ты хочешь сказать, что я причастен к тому, что случилось в Твери? — медленно произнёс он.

— Я хочу сказать, что не знаю. Я многого не знаю о тебе, Кирилл. Ты стал главой холдинга, но ты никогда не рассказывал мне, что происходит. Ты отгородился. Закрылся. А теперь появляется этот поджог в усадьбе Боткиных, и записка с буквой «Г», и ночной взлом камер — и я спрашиваю себя: кто за этим стоит?

— Ты обвиняешь меня?

— Я спрашиваю.

Кирилл подошёл к брату вплотную. Он был ниже Матвея на полголовы, но сейчас казался выше — от напряжения, от ярости, от чего-то ещё, что клокотало внутри.

— Я не поджигал усадьбу. Я не вламывался в камеры. Я не угрожал Воронцовой. Мне не нужны эти дешёвые трюки. Если я захочу разрушить ваше партнёрство — я сделаю это законно. Через совет директоров. Через суд. Через голосование акционеров. Но не через поджог. У нас могут быть разногласия, Матвей, но я не преступник.

— Но ты держишь Завьялова на связи.

Это был удар ниже пояса. Матвей знал это. Но он должен был спросить.

Кирилл побледнел.

— Откуда ты...

— Я проверил твои звонки. Ты связывался с его адвокатами. Ты оплатил их услуги.

— Завьялов работал на нашу семью тридцать лет. Он сидит в тюрьме из-за нас. Я не мог его бросить.

— Он сидит в тюрьме, потому что убил человека.

— Да. И я не оправдываю его. Но он — часть нашей истории. Часть отца. Я не могу просто вычеркнуть его, как это сделал ты.

Матвей долго смотрел на брата. Он видел перед собой не того мальчика, который бегал за ним с сачком на даче. И не того подростка, который плакал, когда их мать ушла из дома. Он видел взрослого мужчину — жёсткого, закрытого, одинокого. И он вдруг понял: Кирилл не враг. Кирилл — жертва. Такая же жертва войны, как и он сам.

— Я не вычёркиваю отца, — сказал Матвей тихо. — Я пытаюсь исправить его ошибки. Это разные вещи.

— А если я не хочу исправлять? Если я хочу сохранить то, что он построил?

— Тогда нам придётся воевать. Не с Воронцовыми — друг с другом. Ты этого хочешь?

Кирилл отвернулся к окну. Плечи его опустились.

— Я не знаю, чего я хочу. Я знаю только, что отец говорил мне перед смертью: «Держи компанию. Не дай Воронцовым победить». Я дал ему слово.

— Отец ошибался. Не во всём — но в этом ошибался. Он думал, что Воронцовы — враги. А они не враги. Они просто другие. И когда-то они были нашими друзьями.

— Ты веришь в это?

— Я нашёл доказательства. В усадьбе Боткиных. Там есть записка: «Здесь были мы. Вадим Громов и Виктор Воронцов. Друзья навсегда». Это написал наш отец. Своей рукой.

Кирилл резко повернулся.

— Этого не может быть.

— Может. Я покажу тебе.

— Отец никогда не говорил...

— Отец много чего не говорил. Он стёр прошлое. Но мы можем его восстановить.

Кирилл опустился в кресло. Он выглядел измученным — как человек, который долго бежал и вдруг понял, что не знает, куда и зачем.

— Я устал, Матвей, — сказал он. — Я устал от этой войны. От этих интриг. От акционеров, которые требуют прибыли. От прошлого, которое висит над нами, как проклятие.

— Тогда помоги мне закончить её.

— Как?

— Признай партнёрство. Поддержи меня перед советом директоров. Дай нам шанс.

— А если я не смогу? Если они меня не послушают?

— Тогда мы придумаем что-то ещё. Но сначала — попробуй.

Кирилл долго молчал. Потом кивнул:

— Хорошо. Я попробую.

И Матвей понял: это, возможно, первая честная сделка между братьями за много лет.
Усадьба Боткиных, восточный флигель
Два дня спустя

Вера стояла посреди восточного флигеля и смотрела на обгоревшие стены. Пожар уничтожил внутреннюю отделку, но, к счастью, не тронул несущие конструкции. Реставраторам предстояло много работы, но флигель можно было спасти.

— Я пришёл, как обещал.

Она обернулась. В дверях стоял Кирилл Громов — младший брат Матвея. Она видела его мельком в суде год назад, но никогда не разговаривала лично. Он был ниже Матвея, с более резкими чертами лица и глазами, которые, казалось, видели слишком много для своих тридцати трёх.

— Матвей сказал, что вы хотите посмотреть на усадьбу.

— Хочу. — Кирилл вошёл внутрь и огляделся. — Я не был здесь с детства. Отец привозил нас сюда. Показывал старые печи.

— Он хотел купить усадьбу. Вместе с моим дедом.

— Матвей рассказал. Показал записку.

— И что вы думаете?

Кирилл помолчал, разглядывая закопчённый потолок.

— Я думаю, что мой отец был сложным человеком. Он совершал ошибки. Большие ошибки. Но он не был чудовищем. Он просто... запутался.

— Как и все мы.

— Как и все мы, — согласился Кирилл. — Знаете, Вера Викторовна... я долго ненавидел вас. Не лично — вашу семью. Вашего деда. Вашего брата. Мне казалось, что вы разрушили нашу жизнь.

— А теперь?

— А теперь я понимаю, что мы сами её разрушили. И я хочу попробовать собрать осколки.

— Это трудно.

— Знаю. Но Матвей верит в вас. И, кажется, я начинаю понимать почему.

Он подошёл к обгоревшей стене и провёл рукой по кирпичной кладке.

— Здесь можно восстановить?

— Можно, — сказала Вера. — Печи уцелели. Стены крепкие. Нужно будет заменить перекрытия и крышу, но это решаемо.

— Сколько?

— Смету ещё не составили. Ориентировочно — тридцать миллионов.

— Я выделю средства.

— Вы? — Вера удивлённо посмотрела на него. — Без согласования с советом директоров?

— Из личного фонда. Это не бизнес. Это... искупление. Наше общее.

— Ваш брат говорил то же слово.

— Мы с ним похожи больше, чем кажется. Просто он научился прощать. А я — ещё нет.

— Но вы здесь.

— Да. Я здесь.

Они вышли из флигеля во двор. Старый дуб всё так же возвышался над усадьбой, и снег искрился под февральским солнцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.